

О.Щетинин

Н.КРАМАРЕНКО

МИР ЗАРНИ

Последний Первый

18+

18+

Наталия Крамаренко

Последний первый

«Автор»

2026

Крамаренко Н.

Последний первый / Н. Крамаренко — «Автор», 2026

Продолжение книги «Гриф "ОДЧ" (Опасно для человечества)». Подходят к концу восьмидесятые годы пятого столетия Космической Эры. Очередной кризис пройден и Торговый Союз может вздохнуть спокойно. УЛК «Заря» вернулся на парковочную орбиту, а десантники с «Торнадо» снова получают тумаки от сержантов в тренировочных лагерях. Но так ли спокойно в бескрайнем космосе? Кто-то решается на неслыханную наглость, атаковав исследовательскую группу с Марса в секторе, подконтрольном Союзу. Событие беспрецедентное: все знают, что Марс быстро и жёстко отвечает на покушение на собственных граждан. Следственной группе марсиан предстоит искать ответы на очень много вопросов. В том числе – выяснить, какое отношение ко всему происходящему имеет специальный отряд КБМ «Память» и как в этом замешаны Инге Сонел и Тим Найденов...

© Крамаренко Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Последний Первый	5
Пролог	6
Глава	9
Инге Сонел	10
Тим Найдёнов	16
Инге Сонел	25
Яна Ланге-Орлова	31
Глава	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Наталия Крамаренко, Олег Щетинин

Последний первый

Последний Первый

Винт. Лопасти. Крутилось колесо,
Чтобы пространство сжать, ускорить время:
Пора войти в музей мадам Тюссо,
Всех оживить и танцевать со всеми.

Что было сталью, плавится как воск,
И бомбы механизм, как сердце, бьётся,
И голова сама свергает мозг,
И звёзды восстают со дна колодца...

Идеи льются лавой из жерла:
Безумцам - невозможного желать
И покорять космические дали!

Решимостью глаза твои горят,
Раз больно, значит, чувствуешь разряд -
На мельницы галактик ток подали.

Анастасия Распопина

С учётом теории переноса информации, высказанной заместителем начальника информационного отдела МУКБОП¹ профессором С.И. Павловым, авторы допускают, что некоторые известные названия, аббревиатуры и т.д. впервые были использованы в литературе ряда смежных миров Мультивселенной. Тем не менее, все совпадения с реальными или вымышленными персонажами, организациями и/или событиями абсолютно случайны.

¹ Межпланетное управление космической безопасности и охраны правопорядка. Это название, как и название спецподразделения «снежные барсы», заимствовано из романа С.И. Павлова «Лунная радуга».

Пролог

Mierda de toro!..

Одного взгляда хватило, чтобы понять: всё. Попала. Она никогда не видела эти корабли, но мгновенно узнала по описанию.

Мако щёлкнула клавишей сопряжения и откинулась в кресле, переводя «Медузу» в боевой режим.

Schlampe...

Поля... активированы. Маскировка... включена. Открыть торпедные люки... Её пока не видят, но это пока. Как же не повезло: луч торможения ведёт прямо к ним. Ждали? Неужели ждали? Нет, это невозможно, скорее всего, просто в поиске... Может быть, они и Тессу убили? А Мако её предупреждала, чтобы не совалась в этот район...

Scheisse!

А ведь всё было так хорошо... Вернее, всё было плохо, всё было просто хуже некуда, но сам план был хорош. У неё получилось бы. Если бы не эти.

Мако снова выругалась на одном из языков, на которых говорил *он*. Она специально учила идиомы и ругательства, ей казалось, что это смешно. И Мако – это было прозвище, а не имя. Он её так называл. Оно было только для них двоих. Акула-мако, хищная рыба с его родной планеты. Красивая, стремительная, смертоносная. Высший хищник. Ей это тоже нравилось.

Так, отметка радара. Есть, заметили. Сколько их? Четверо? Четыре vergas – это перебор, а один такой здоровенный... Мако оскалилась. Это будет славный бой, пусть и последний.

Всё, пора.

Торможение! Корабль взбрыкнул и начал стремительно сбрасывать релятивистскую скорость. Индикатор гравиконтроллера моргнул жёлтым, оранжевым... красным. Кажется, ещё немного, и борта затрещат под огромными, смертельными для любого живого существа перегрузками...

Есть! Так, первым делом убрать самого большого, толстяка: на нём могут быть несомые. Команда на комм, и «Медузу» трянуло: две стаи – торпеды под управлением ракет-«вожачков» – пошли одна за другой. Если повезёт, снесёт сразу двоих, если нет, толстяку хватит. Ну всё, началось. Они поняли, что она уже оттормозилась, но прохлопали ластами запуск ракет. Мако бросила корабль в манёвр, уходя в плоскость толстяка и двух кораблей поменьше. Четвёртый оказался выше. Не страшно, главное, чтобы толстяк решил, что она будет атаковать именно его. Заработали излучатели, вспышками проходясь по защитным полям. Verpiss dich! Мако готова была заплакать, если бы не оставшиеся корабли. А они уже просекли, что одиночный штурмовик – не беззубая жертва и сам может сожрать кого угодно. По полю толстяка побежали искры разрывов малых фотонных ракет, выпущенных «вожаком», а следом он сам вместе со стаей ударил по броне. А вот это неудачно: вторая стая добила ублюдка, хотя он уже не представлял опасности. Лучше бы переключились на другие цели. Всё, пора в другую плоскость и выходить на дистанцию эффективного боя.

Du gehst mir auf die Eier!

Третий ублюдок вышел из плоскости и провалился вниз.

«Разгерметизация жилого блока». Маркеры сгорающих предохранителей сливаются в одну пульсирующую вспышку... Дерьмо, чем они гасят дефлекторы?! Такими темпами она сейчас всех полей лишится. Запитать прямо на куб. В любом случае это ненадолго... Торможение, полная тяга! Снова дикие перегрузки, кажется, хрустят кости, но закрученный юлой корабль факелом маршевого двигателя сносит поля сразу двоим. На-а-а, с-сука-а-а!!! «Энергопотребление превышает пороговые значения»... Заткнись! Излучатели задолбили по одному из подвергнувшихся кораблей... готов. А второй, тварь, ещё навертел дыр. Что же это за ору-

жие?! «Вышла из строя система регенерации». «Отказ систем жизнеобеспечения»... Залп, две ракеты и торпеды, все! Они не просто дырявят броню, они повреждают системы, попадут в торпедный отсек – и хана. Надо избавляться от опасного груза, но с пользой... Замигали сигналы тревоги, утечка кислорода даже из кабины, отключилась канонирская консоль. *Vai all'inferno*, гад! Выпущенные ракеты расплыли на атомы третьего, досталось и последнему, но он успел оторваться от основной группы и теперь снова заходил на атаку.

«Внимание! Повреждения восемьдесят процентов, энергия двадцать процентов»... Всё. Это конец. Ракет нет, излучатели, считай, сгорели от перегрузки. Таран? А если собьёт, отойдёт? Ещё немного и даже на манёвр времени не будет. Что тогда? Прыжок? В руки к ним попасть нельзя. Да их вообще тут оставлять нельзя. Но другого шанса нет. Мако протянула руку к кнопке аварийного привода и вроде даже успела её нажать...

Звон в ушах, свист уходящего воздуха, шипение автогерметика, прерывистый вой аварийных систем. Звуки катастрофы. И горячо и мокро левому боку, аптечка выводит данные на экран шлема... Мако уже мертва, эти твари её убили, но мы ещё посмотрим... Пол кабины уходит из-под ног, приходится держаться за переборку, аптечка заходится паническими рекомендациями... Заткнись. Достала. Ноги подламываются, но пройти надо совсем немного. Главное, не упасть по дороге.

Куда она идёт? Зачем? Ещё минуту... кажется... назад она знала, а теперь надо просто переставлять ноги, дойти из точки А в точку Б и не потерять сознание при этом. И не упасть. Если она упадёт, то уже не поднимется.

Егокаюта. Открыть дверь, закинуть туда гранату, чтобы ни следа не осталось. Чтобы, если у неё не получится, ни одна тварь своими грязными лапами... Как хорошо, что она не взяла с собой её... Что-то ещё надо сделать. Ах, да, браслет – в утилизатор, это надёжно, гарантированно даже. А действительно броню просверлили, как сыр... Какой там сыр был? Не помню. Ничего, мы встретимся, и ты расскажешь. Уже скоро.

Шлюз. Зачем она здесь? Ах, да, шкаф, контейнер внизу, но... Что-то не так. Она что-то забыла... «Энергии двадцать процентов». Хватит ли на полноценный прыжок? А если нет? Нельзя, чтобы «Медуза» попала к этим. Но её должны найти. Найти, увидеть следы этих проклятых излучателей и всё понять. Расстрелянный корабль – это послание. А она... Она всё равно уже труп.

Мако чуть не потеряла сознание, надевая ракетный ранец. Хорошо, что перед выходом из гиперона она влезла в скафандр, как положено. Хотела быть осторожной, чтобы точно вернуться. Не помогло. Жаль.

Она достала из шкафчика контейнер, закрепила, долго подключала к системам – пальцы не слушались. Открыла шлюз.

Vamos, ten cojones, ven aquí, eres una estúpida y mensa cabrona! Вот она я, я интереснее, чем разбитый корабль, ну, иди ко мне! Тебе не нужна «Медуза», тебе не туда... В голове всё путается. Давай, давай быстрее, а то я тут сдохну раньше... Ура! Вот он, сигнал: «Внимание, силовой захват», наконец-то! Яркий, слепящий свет, её втянуло внутрь. Ещё... ещё немного... не смей терять сознание... ага, давление в норме, значит, шлюз закрыт...

Сейчас.

Chupame la verga! Мако улыбнулась и стукнула подбородком по кнопке активации, дублируя команду через нейрошлем скафандра.

Великая Мать, прими меня и сохрани её!

Маленький кристалл перестал запитывать силовое поле, и оно исчезло. Крайние позитроны начали сталкиваться с электронами, разрушая условно нейтральную оболочку контейнера, и все три килограмма антивещества вступили в реакцию. Исчезли умирающая амазонка и трюм с уцелевшими несомыми. Поток жёсткого излучения хлестнул по кораблю, убивая всё

живое. Сработали и вышли из строя системы защиты энергоцепей, и спустя мгновение силовые установки взорвались, превращая мощный боевой корабль и всё, что в нём было, в поток элементарных частиц, рассеянных по безграничному космосу. Но за доли секунды до этого полуразрушенная «Медуза» ушла в прыжок по случайным координатам...

Глава

Часть 1. Теллур

Инге Сонел

Никогда не понимала, зачем дневники вести. Я, конечно, слышала, что это мысли дисциплинирует и всё такое, но как по мне – только зря время терять. А раньше – я читала! – дневники нужно было вообще не надиктовывать, а писать. От руки. Вот за такое я бы в жизни не взялась, как бы ни просили. А меня именно что попросили. Маша – она псионик из МУКБОПа. Как же оно расшифровывается-то... Межпланетное Управление космической безопасности и охраны порядка, во! Как-то так. Это террянская служба безопасности, и они очень крутые типа.

Так вот, Маша и её начальник, Сергей Иванович Матвеев, попросили меня вести дневник и раз в три месяца им отсылать. Всякие личные или коммерческие тайны их не интересуют, а как мои способности развиваются, это им очень важно. Так что я, наверное, записывать буду всё, а перед отправкой запись почищу. Потому что никогда ведь не знаешь, что окажется важным, а что – нет.

И ещё мне надо отвыкать «нукать». И говорить «в общем» через каждые два слова. Это неправильно и неграмотно. Буду стараться следить за речью. Вот.

В общем, так. Меня зовут Палома Инге Розальба Марианна Сонел. Уф, ненавижу своё имя. Но у нас дома такие длинные имена – традиция. Я предпочитаю, чтобы меня называли Инге. Мне так больше нравится. Официально мне двадцать, а на деле там ошибка, в записях о рождении, так что между девятнадцатью и двадцатью одним я среднее выбрала, когда документы получала. Я пилот, контрабандист... вернее, раньше была. Сейчас я капитан и владелец торгового малотоннажного корабля «Алада», и мы с Тимом летим с Тира́ны на Теллу́р. Совершенно не представляю, что я там буду делать. Нет, кое-что я точно знаю: Тим обещал, что мы на море поедём. А вот потом... Но Тим сказал, что наши счета его босс два года оплачивать будет, так что срочно искать работу надобности нет.

Тим – это мой парень, мы с ним на Тиране познакомились. Ну как – парень... Он раза в два меня старше, но сколько ему точно лет, он не знает. И тут история покруче, чем ошибка в документах. У Тима амнезия была, его в космосе подобрали. В боевом скафандре. Кстати, Тимов скаф, Том Том – это вообще отдельная история... Он большой – не скафандр, сам Тим, и добрый. А вообще Тим был спецом по безопасности у одного из Боссов на Тиране, и мы вместе влипли в историю с ну очень опасным наркотиком. И сектантом, который из-за этого самого наркотика мутировал и стал совершенно жутким псиоником. В смысле – очень сильным и совсем не человеком. Там много чего ещё было, в общем-то, рассказывать долго, да и смысла никакого, в базах МУКБОПа это всё есть. Главное, что всё хорошо кончилось.

А ещё я мамбо, жрица вуду. Вернее, формально я всё ещё оунси, ученица, но думаю, ту историю можно считать за полноценный экзамен и посвящение. Так что лоа, наверное, не обидятся, что я называю себя мамбо. Раз уж мои покровители, Эрзу́ли-Ошун, Любовь и Жизнь, и Лёгба, Повелитель врат, дорог и коммуникаций, простили мне даже то, что я теперь немножечко принадлежу ещё и Смерти. Оно само получилось, я даже толком не поняла, как.

Собственно, из-за этого я дневник и начала вести. Не из-за того, что теперь служу двум семьям лоа, конечно. Просто эти, из МУКБОПа, думают, что я не мамбо, а просто очень сильный и нетипичный псионик. «Супер». И меня типа изучить надо. Ну да, в лоа-то они не верят! А то, что как раз лоа нам помогли с этим мутантом справиться, как бы и не в счёт. Нет, а правда, что бы мы без их помощи делали?

В общем, если специалисты из террянской безопасности считают, что я псионик, я их разубеждать не буду. Да у меня и не получится. Главное, они нас в покое оставили, а дневник вести – не так уж сложно, как оказалось. Вот.

Да, Теллур... На словах-то полёт на два прыжка – дело простое. Технически вроде ничего сложного: рассчитала курс, прыгнула, от тормозилась, рассчитала новый прыжок, переориентировалась, разогналась, прыгнула – и всё. На хорошем корабле никаких проблем. Если не считать, что на промежуточном развороте можно налететь на пиратов, и не думать о возможных сбоях в системах. Но и тут... Брать с нас пока нечего, а пираты практически никогда не нападают на корабли просто так: уж больно дорогое это удовольствие – ракеты и торпеды, чтобы без гарантий на успех их тратить. Кораблик у меня только из ремзоны, всё проверено-оттестировано, оборудование отличное, да и Том Том сходу в системы полез. Я ему разрешила: всё-таки ИИ – это вам не мистер Вездесущий чихнул. Так что всё у нас должно быть нормально, отлично даже. А мистер Вездесущий – это кот такой. Краси-и-ивый... Но вредный – жуть.

Но я всё равно так далеко лететь побаивалась поначалу.

Первый прыжок получился на четверо суток, чуть больше, на сто часов примерно. Обычно что я в это время делаю? Что-нибудь отлаживаю-настраиваю, гало смотрю и всё такое. Скучно, если честно. Но не в этот раз. Сейчас эти сто часов пролетели, я и не заметила.

Для начала, я учила французский: на Теллуре это основной язык. Вернее, я учила, а Тим вспоминал. Вообще с языками особых проблем нет: обучающую программу выбрала, табличку съела, нейрошлем надела – и вперёд, но потом всё равно время нужно, чтобы освоиться. Тим на Теллуре уже был, но с нейрообучением всегда одна история: без практики всё забывается быстро. И неважно, что тебе в память вписали, французский или высшую математику. Это не космолингва, которую с детства все как второй язык учат. В общем, Тим решил, что мы только на французском разговаривать будем. Чтобы я осваивалась, а он вспоминал. И я поначалу слова путала всё время. А Том Том комментировал. Мол, и форма коммуникации у мягкотелых примитивная, но при этом излишне усложнённая, и система обучения не та, и вообще... И постоянно называл меня «сударыня». Я сначала вообще не понимала, что это, и думала, что он дразнится, что это обидное что-то. А спрашивать неловко. Но Том, похоже, сам просёк, что я недовольна, и как-то спросил:

– Капитан, вам не нравится слово сударыня? Могу называть вас «товарищ».

Ну, про это обращение я слышала, но его же вроде только на Марсе используют?

– Называй, как тебе привычнее, – я плечами пожала.

– Мне всё равно. Я нечасто общался с капитанами. А те, с кем общался – марсиане, – называют друг друга товарищ, а некоторых особей женского пола из вежливости и шутливо называют сударыня. Но могу называть по имени или кэп.

И он так серьёзно и обстоятельно это объяснил, что мне даже смешно стало немножко. И захотелось ему приятное сделать.

– Если тебе так привычнее и нравится, пусть будет «сударыня», – говорю, и вдруг понимаю, что он не прикалывается, когда меня капитаном называет. Я ведь и правда по всем документам капитан, и вообще, просто я как-то это с собой не могла соотнести. Вот адмирал тот, Тырновский, это да, это – *Капитан*! Или Перри со «Стережущего». А я – что? Так, несерьёзно... Но всё равно здорово.

В общем, после этого разговора я поняла, что злиться на Том Тома бесполезно и вообще не надо, потому что он смешной и милый. И я наконец-то попросила у него разрешения посмотреть, как он устроен. Мне и интересно, и мысль была: вдруг удастся что-нибудь про Тима узнать? Откуда он и всё такое. Из типовой сборки, на самом деле, можно много информации вытащить, если знать, где искать.

Ага. Из типовой. Вот только типового в Том Томе ничегошеньки нет. Я, когда в его систему полезла, в первый момент подумала, что у меня с головой что-то не то. Потому что ну не бывает такого!

Вообще скафы монтируются из стандартных блоков. Взаимозаменяемых и совместимых, естественно. Это требование Торгового Союза – ну, чтобы, условно говоря, из трёх повре-

ждённых скафандров, скажем с Терры, Харола и ещё откуда-нибудь, можно было собрать один рабочий. Так вот, Том на первый взгляд выглядел именно таким результатом типовой сборки. Но только на первый взгляд.

Для начала, я на нём никаких маркировок не нашла. Вообще. То есть их или идеально зачистили, чтобы ни следа не осталось, или там изначально ничего не было. Значит – что? Экспериментальный образец, нечто уникальное, единичное. Но где его собирали?

Вообще-то в технологиях сборки на каждой планете есть свои фирменные фишечки. Типовое-то оно всё типовое, но особенности увидеть можно. Мелкие, но заметные, если знать, куда смотреть. Марки герметика, способы блокировки крепежа... Так вот, на Том Томе ничего знакомого я не нашла. Конечно, я мало чего ещё видела, но всё-таки... Правда, возникало какое-то странное ощущение – словно он весь из себя такой высокотехнологичный и всё такое, но при этом собран грубо. Зато с огромным запасом прочности и надёжности. Это просто ощущение, не знаю, как объяснить.

Но это... как это говорят?.. ещё цветочки были. Самое веселье началось, когда я захотела проверить, не перепрошили ли Том Тому мозги. Да и интересно: ведь считается вроде как, что полноценный искусственный интеллект создать невозможно, а Том явно не виртуальный ИИ... Кстати, вот это точно надо будет стереть перед тем, как дневник Маше отправлять. А то ещё захотят Тома поизучать, а оно нам надо?

Полезла я в ядро, а там... В общем, хочу очередную плату вытащить, крепёж отстегнула, а она сидит, как влитая. А с другой стороны к ней не подобраться. Не, технический лючок для обслуживания есть, да только он фальшивый. Даже винты – одно целое с корпусом. И физически в ядро не войти. Никак. А самое главное – я ведь очень хорошо представляю, какое «железо» нужно, чтобы на нём ИИ базироваться мог. Даже просто виртуальный или ограниченный. И вопрос на миллион: *где оно?* Тут поневоле начинаешь верить, когда Том говорит, что он живой. И байки вспоминать, что в Туманности механизмы оживают. Ну да, подобрали их в Солнечной, но где Тим и Том до этого мотались, и откуда они вообще взялись – одни лоа знают!.. И что-то мне как-то стрёмно стало. И даже мысль подключиться через нейрошлем и проверить Тома, как обычную систему, пришла и ушла. Да он и не дал бы, скорее всего.

Ну и естественно, Том Том не был бы собой, если бы не комментировал всё, что я делаю. Сообщил, что не любит медосмотры, что мы, люди, ничего в этом не понимаем, что идея лоботомии из любопытства ему не нравится, и вообще: «Сударыня, а вам часто при медосмотре снимали руки и ноги, чтобы посмотреть, какого цвета у вас нервы?». Но видно было, что внимание ему приятно. И он так, между делом, обмолвился, что у меня руки куда более ловкие, нежные и аккуратные, чем у Командира – ну, то есть у Тима.

– Но у тебя же это обратимо? – это я сказала, когда уже обратно его собирала.

– Можно же просто спросить. Неужели вы, сударыня, не знаете, что сначала надо провести беседу?

– А мы беседу ведём параллельно! Так удобнее. А что ты умеешь, Том? И что помнишь?

– Умею я всё, что надо боевому скафандру. Я могу защищать Командира, могу нейтрализовать цели. И в меня не заложены законы робототехники, поскольку я не робот. Ну и так, по мелочи. Отвечая на ваш второй вопрос, сударыня, скажу так: я помню своё первое включение. Хотя я вполне допускаю, что оно могло быть и не первым. Но у меня нет на этот счёт информации. В отличие от вас, мягкотелых, я не могу что-то забыть и потом вспомнить. Я или владею информацией, или нет. Я допускаю, что моя память была обновлена.

– А когда и где тебя первый раз включили?

– Тогда же и там же, где Командир пришёл в себя. На Мемориале Марса.

– Это такое место за Юпитером, – влез Тим. Он всю дорогу сидел, смотрел, как я в Том Томе копаюсь, и ржал периодически, а тут решил к разговору присоединиться.

– И как это было?

– Как? Очухиваюсь, он включается, и первым делом вижу сигнал о том, что воздуха на два часа. И что нас засёк корабль Марса. Они как раз Мемориал проверяли, вот нас и заметили.

– То есть ты в Пространстве был? Без корабля? – что-то уж больно весело он рассказывает. Явно врёт, но и правду ведь не скажет! Хотя я его уже не в первый раз спрашиваю.

– Ага.

– И что было до этого – никто из вас не помнит...

– Угу.

– И что? – Вот никак это у меня в голове не укладывалось. – Неужели не пытались установить, откуда ты? Не было ни пропавших кораблей, ничего?

– В том то и дело, что нет. Правда, ребята на Марсе потом сказали, что такое бывает.

– Чудесная формулировка! «Бывает!»...

– Они даже думали, что я – один из уснувших пилотов Мемориала. Что легенда правдива.

– В смысле?

– Есть легенда, что в Мемориале спят пилоты времён Зари. И если снова придёт враг, они проснутся и покажут ему, что не стоит лезть в систему.

Вот интересно, если я Тима ключом стукну, Том Том вмешается или нет? Неужели нельзя сразу всё рассказать?

– А Мемориал – это вообще что? И почему он не на самом Марсе, а неизвестно где?

– Почему – неизвестно? Вполне себе известно. Их несколько, Мемориалов. Один – место первого боя с мантисами, база на Обероне. Второй – на самом Марсе, в Олимпе. Город у подножья самой большой марсианской горы, вернее, потухшего вулкана. Третий – это в космосе инсталляция основного сражения Зари... И, кстати, ты опять на лингву перешла. Давай по-французски дальше.

– L'emmerdeur! Погоди... Получается, «зануда» – от того же корня, что и «дерьмо»? Ну и язык... – я затянула последний болт на спине Том Тома и проверила герметичность сборки, сначала вручную, потом запустила тестирование. – А сражение – это той самой «Зари»? Так это марсианский или террянский корабль?

– Заря – операция по освобождению Терры и Солнечной. Это корабль в честь неё назвали. Там и марсиане сражались, и терряне. Говорят, кстати, что и в Олимпе на Марсе есть не только боевые корабли, но и первые колонисты. В анабиозе. Сам город законсервирован. На Марсе вообще много легенд о прошлом. Они единственные, кто сохранил хоть что-то о том времени. Вообще у нас... у них, на Марсе, в Комитете Безопасности есть специальное подразделение из Чёрных Драконов – группа «Память». Их задача – установить обстоятельства гибели всех Первых.

– В смысле?

– В прямом. Они считают, что среди Первых не должно быть пропавших без вести.

– Бред какой-то!.. Это когда было-то? Пятьсот лет назад?

– Как-то так. Только их это не останавливает. До сих пор, вроде, ищут.

Про Первых я уже знала. Так на Марсе называют первых колонистов и их детей. Первое поколение. Они осваивали планету, первыми дали бой мантисам, организовали сопротивление... В общем, крутые ребята, и ничего удивительного, что на Марсе их уважают и память чтят. Если хотя бы половина того, что я о них слышала, правда, то *такие* Предки – это очень могущественные лоа. Но всё равно – полтыщи лет искать, кто, где и как погиб... Я бы так не смогла, наверное. Хотя уже поняла, что на Марсе народ хороший живёт, но странный местами.

Я вообще очень люблю слушать, как Тим про Марс рассказывает. У него прямо глаза загораются, и сразу видно, что ему приятно вспоминать. Правда, лучше не увлекаться, а то его уносит куда-то. В смысле, как тогда, на планете Ока. Тим связан с Марсом, точняк, но вот как именно? Нет, обязательно после Теллура надо будет туда слетать!..

– Марс местами странная планета. Иногда там появляются фантомы. Например, в эфире может зазвучать старая музыка. Или кто-нибудь увидит идущего по поверхности Чёрного Дракона, сделают переключку, все на месте. А того и след простыл. Чёрные могут очень долго дышать на поверхности. И излучение им не страшно. Впрочем, сейчас почти любой коренной марсианин может минут десять-двадцать дышать местной атмосферой без последствий. Коренной житель Марса – это третье поколение считается. Бывают и исключения. Я, например, могу минут пять-десять дышать. А Драконы – намного дольше.

– А чем вы там дышите? Я ведь про Марс читала, там с кислородом всё плохо совсем. Ну, в смысле – его в атмосфере мало очень. И воздух для дыхания не годится.

Тим улыбнулся:

– Ну вообще, да, не годится. Но ты про марсианский геном слышала?

– Что-то читала... Но это же легенда вроде, нет?

Ну да, я «Путеводитель для начинающих путешественников по Вселенной» несколько раз перечитывала. И там прямо говорится, что это какой-то ген или комбинация генов, который позволяет человеку к самым сложным условиям быстро приспосабливаться. Но и там же написано, что никто этот ген не нашёл. А с другой стороны – взять ту же зону Шнайдера около Туманности. Вроде как нет там мутагенных факторов, так откуда те же амазонки взялись? В общем, я так понимаю, что никто толком про это ничего не знает. Ни про то, как поле Воронова-Бланко на человека действует, ни про марсианский геном. А Тим меня по голове потрепал:

– Не легенда. Есть что-то такое. Я в биологии не силен, но насколько я знаю, биологи Первых – фон Окле и Ланге – какие-то генетические программы для колонистов разрабатывали... – смотрю, Тим опять поплыл. – Ты не представляешь, какое это удовольствие – дышать на Марсе. Особенно в Олимпе, в парке. Воздух там...

– Тим.... Ти-им! Вернись, ты меня пугаешь... – вот стоило подумать, как его опять куда-то не туда понесло! В смысле – умильная улыбка и взгляд внутрь себя. Но я уже знала, что самый надёжный способ вывести Тима из этого состояния – какой-нибудь вопрос на другую тему задать. – А нет способа проверить, откуда человек родом? Генетический анализ или что-то такое?

– Не. Нету. Ну, то есть анализ-то провести можно, но только его с чем-то сравнивать надо. Если о генетике говорить. Можно по биохимии предположить. Но это если человек молодой совсем и на одной планете жил.

– А язык? Я ведь так понимаю, после «Последней надежды» амнезия не полная, что-то же ты помнил?

– Не знаю... – Тим лоб потёр, и я поняла, что надо этот разговор сворачивать, и побыстрее. – На Марсе на марсианском говорят, это смесь русского с немецким вроде. Я его быстро освоил. А какой у меня родной был...

– Так, погоди... О! Том Том! Какие у тебя были базовые настройки языка, когда ты включился?

– Космолингва и русский.

– То есть ты с Терры?

– Или с Марса.

– Ничего не понимаю...

Вот реально – ничегошеньки. То есть по всему выходит, что Тим и Том откуда-то из Солнечной. Но не может же человек просто так взять – и пропасть. А потом – ап! – и найтись. Легенды о спящих пилотах – это красиво и здорово, конечно, но даже если это правда, то как эту парочку в Пространство занесло?

Я, честно сказать, даже изображение Том Тома в кибермозг «Алады» загрузила, чтобы по базам прогнать и найти аналоги. Ну, и нашла. Ага. Лучше бы не находила. Потому что

получалось, что Том больше всего похож на модели скафов из компьютерных игр о начале колонизации. Хотя у меня базы, конечно, не полные, так что надо повторить поиск, когда из гипера выйдем. Я ради такого даже за гиперсвязь заплатить готова. Хотя можно подождать до Теллура, там самые крутые кибер- и комм-системы делают, и базы данных у них ого-го какие! Может, что и найду. А Тим, когда я ему сказала, что Том Том на скафы из игрушек похож, только плечами пожал. «Да – говорит, – он точно не современный, но куда как более эффективный»...

В общем, всё было просто отлично, пока мы не вышли из прыжка и не оттормозились с релятивистских скоростей. Образно говоря, перестали быть лучом света и стали вполне себе материальным объектом, способным посылать и принимать передачи.

И сходу поймали сигнал пассажирского лайнера с Алианта на аварийной частоте гиперсвязи. «Атакован пиратами, прошу помощи»...

Тим Найдёнов

Ну, вот и приплыли, что называется. Занесла нелёгкая, и знаю я, что сейчас будет...

– Что у нас с оружием? – Инге смотрит на меня огромными глазами. Испугалась, ясно дело. Мы ведь уже всё решили, даже не сговариваясь, а она толком не может даже наши возможности оценить! Хотя что там оценивать...

– Считай, ничего. Торпед нет, ракеты только у Тома, хиленькие, нам надо трюм под них переделывать. Правда, излучатели поставили. Но это...

– Но... Но нельзя же так вот... Просто... Надо же что-то сделать!

Надо-то надо, но что мы сможем тут поделывать, ненаглядная моя? Нет, кое-что можем, но понимает ли Инге, насколько это всё... глупо? Ни один нормальный человек на такое не пойдёт. Но «нормальные люди» – это точно не про нас.

– Сколько боёв ты провела?

– Один... Учебный, с тобой.

– Мы не члены Братства. Вступать в бой не обязаны, так что... Можем просто посмотреть. Но стоит ли? Если что пойдёт не так, нам хана, – да, кажется, я выбрал неудачную формулировку. Инге мгновенно взвилась:

– Посмотреть?! Как людей убивают?

– Да. И если потом будет нужна помощь, собрать тех, кому можно помочь.

– Надо сделать всё, что можно, – она сникла.

– Тогда посылай сигнал: «Принял, гражданский транспорт, иду как наблюдатель».

Смотрю, как Инге, понурившись, отправляет сигнал лайнеру... а потом начинает лихорадочно стучать по консоли. Прыжок рассчитывает. Что же, всё понятно.

«Том, проведи калибровку и синхронизацию по спаркам. Проверь транспортёры дефлекторов».

Эх, нам бы сюда четвёртого! На самом деле тот, кто изобрёл фасеточные поля, гений. Мало того, что им любые конфигурации придавать можно, так ещё и перегрузить такое поле целиком практически нереально. Конечно, если по противнику маршевыми движками пройти, как Инге в учебном бою сделала, то всё снесёт, но в реальности такое редко бывает. Обычно фасетки выжигает, одну, максимум две. И тут задача канонира – успеть в эту дыру в поле торпеду положить до того, как предохранители перегрузятся. У нас замена предохранителей на автоматику поставлена, но такие вещи лучше на контроле держать. А нас всего трое, так что о канонире-дефлекторщике можно только мечтать.

«Подерёмся?»

«Похоже на то».

«Принял, Командир. Заодно проветримся».

Весь этот диалог провожу молча, Инге его не слышит. У меня с Том Томом своя связь, через комм и имплант.

– Экипаж, внимание! Разгон на счёт «раз»!

Да-да, конечно, «иду как наблюдатель»... Но тут главное, чтобы пираты поверили.

Ох, и дала же Инге мощность на движки! Я думал, нас по креслам размажет, так что во время разгона особо не поговорить было. Значит, и выход нас ждёт весёлый.

Что прыжок в гипер, что возвращение в нормальное пространство – то ещё удовольствие. Резкий переход от перегрузок, с которыми не могут справиться даже амортизаторы кресел, к невесомости воспринимается как сильный удар. Потом снова включается искусственная гравитация, и корабль «зависает» в белёсом нигде. Я, кстати, читал, что мы видим подпространство как непонятную муть только потому, что наше зрение не способно воспринять, а мозг осознать

то, что нас в это время окружает. Не знаю, не знаю. Тут вообще всё странно. И самое главное: почему объективного времени прыжок занимает секунды, а субъективного – от нескольких часов до нескольких дней? Причём это непредсказуемо и неизвестно, пока корабль не ушёл в гипер. Помню, Инге предположила, что это Вселенная релятивистские эффекты компенсирует. Парадокс близнецов или что-то такое. Не знаю, я так и не понял, честно говоря.

– Прыжок длинный?

– Нет, три часа всего.

– Хорошо, – можно было бы и побольше, хотя тут как посмотреть. Нам три часа – как раз подготовиться, да и Инге я проинструктировать успею. Было бы больше, она бы снова испугалась, а тут паниковать никак нельзя. Конечно, командовать мне придётся, но ей тоже решения принимать надо будет, и быстро.

Уже голосом отдаю приказ:

– Том, консоль канонира на себя. Займи место в трюме.

– Принял. Переключаю.

– Ты выйти собрался? – у Инге опять паника в голосе. Плохо.

– Если придётся.

Ну что значит – «если придётся»? Понятно, что придётся, иначе никак. Так что большую часть прыжка я снаряжал Тома, который довольно фырчал, шевеля установками ведения огня и проверяя системы. Я даже прикинул, не переждать ли выход из гипера в Томе, но решил вернуться на мостик. Конечно, можно и по связи Инге проинструктировать, но лучше, если я рядом буду. Так что, как только она дала по кораблю предупреждение о пятиминутной готовности, я побежал к ней. Надо сказать, поначалу Инге явно развлекалась, очень серьёзным голосом выдавая штатные оповещения о манёврах, но сейчас тон изменился. Она работала, приколы кончились, и это правильно.

Перед выходом из гипера снова наступает невесомость: все энергозатратные процессы в корабле отключаются. Работает только жизнеобеспечение, причём по минимуму, зато на конструкционные и магнитно-динамические поля энергия даётся по максимуму. Потому что в момент выхода в обычное пространство на корабль обрушиваются все те «же», с которыми он уходил в гипер. Прыгнул ты с двенадцатикратной перегрузкой, её на выходе и получил. Но только не плавно, на разгоне, а сходу. Была невесомость – и бах, всё твоё. Неприятно, мягко говоря. Очень. И, как будто этого мало, сразу начинается торможение, меняя вектор перегрузок, но отнюдь не делая их мягче...

Нас ещё размазывает по креслам, а Инге через нейрошлем уже пытается настроить картинку. Всё-таки она прекрасный пилот и прыжок рассчитала идеально. Сразу после выхода на экранах рисуется схема: три зелёные метки – транспондеры лайнера и сопровождения, и шесть белых, которые почти сразу сменяются на красные.

– Так, вон видишь две точки?

– Вижу.

– Можно пойти ва-банк. Рискнуть. Как Том подаст сигнал, даёшь залп по первому всеми излучателями, Том их синхронизировал, и тут же стреляешь по второму.

– А ты? – если судить по голосу, Инге сейчас расплачется, но лицо напряжённое и сосредоточенное. Порядок. Кажется, шансы у нас всё-таки есть.

– С первого сшибёшь щиты, и я пройду через поле. А если по второму попадёшь, вообще ляпота будет. И сразу отходишь, за тобой никто не погонится.

– А ты...

– Когда пройду поле, подсвети первого жёлтым, чтобы подмога не разнесла его. Всё, работаем.

– Осторожнее только. Я себе не прощу, если...

Но я уже не слушал. Всё, игры кончились, начинается работа. Это вам не учебный бой. Это, простите, война-с.

Бежать под перегрузками тяжело, но этому в пехоте в первую очередь учат. Тут ведь главное – правильно ногу ставить, чтобы не подвернуть и не сломать лодыжку в самый неподходящий момент. Это Драконам хорошо, у одних – импланты, у других – кости сверхпрочные, а нам, простым смертным, беречься надо... Том Том уже ждёт. Забираюсь внутрь, устраиваюсь поудобнее, всё тело мягко обжимают нейрофиксаторы – теперь мы с Томом практически одно, тихий «вздых» герметизации, системы в норме...

– Открыть трюм. Дать отсчёт.

– Приняла. Трюм открыт, – голос Инге меняется на голос системы, она отсчитывает время до момента, когда корабль выйдет в норму, и с него можно будет стартовать. – Пять, четыре, три... Стабилизация!

– Пошёл.

Том довольно активирует двигатель. У-у-ух, понеслась душа в рай, теперь главное в синхронности, цель неумолимо приближается, «Алада» остаётся позади и чуть сбоку, она всё ещё тормозит, но ещё немного, и сможет полноценно использовать тягу.

– Том?

– Всё по плану, Командир, – он подсвечивает мне поле корабля, и тут Инге даёт залп. В желтоватой плёнке – вообще поля не видно, это модель на тактическом экране – возникает дыра, Том выпускает пару ракет по второму пирату, и мы несёмся в разрыв в дефлекторах, пока вражеский канонир – или система, неважно, на скорость перезагрузки это не влияет, – не поменял предохранители.

Успели!

Краем глаза фиксирую разрывы на поле второго противника. Что-то там происходит, но приглядываться некогда: мы с Томом уже на броне. Геккоринги вцепились в поверхность, оглядываюсь... Ай, Том, ай, молодчина! До технического блока всего несколько шагов. Ведь мне сейчас главное что? Попасть внутрь, и Том высадил нас так, что не надо бегать по корпусу и искать проходы...

«Кэп вывела из строя второго. Ракеты сбили поля, Капитан снесла ему с борта генераторы дефлекторов».

«Как?»

Как, как... Единственным возможным способом. Прошла, судя по всему, впритирку, почти вплотную за ракетами, по косой ударила в разрыв в полях... Ненормальная.

«Успешно. Он не боец».

«Выпорю!»

«Командир, она уже отходит».

Обмен данными с Томом занимает мгновения.

Ну всё, теперь ты мой, красавчик. Заряд в технический блок, принудительное вскрытие корпуса, будем считать, что аварийное, да-да... «Том, шкурку не попортить», тот только хмыкает, активируя автоматы. Это штурмовик, тут есть с кем пообщаться накоротке...

А вот это просто сказка! Коротенькая, но залихватская музыка в эфире, и весёлый голос:

– Игрок за столом, моя раздача. Музыкальная пауза.

Есть! Теперь это не просто адреналин, теперь это ещё и азарт. Игрок – это хорошо, Игрок – это Братство и, значит, расклад сил поменялся кардинально.

– Инге, не дай себя подстрелить, отходи. Подмога пришла.

– Приня...

Ответ заглушает музыка. Это фирменный почерк Братства – забить чем-нибудь повеселее весь диапазон, чтобы никаких переговоров. Конечно, гиперсвязь так не заблокируешь, а вот всё остальное... В ордере Братства пилоты и канониры знают друг друга, хорошо представ-

ляют, кто что может, и связь им, по большому счёту, не нужна. В отличие от тех же пиратов, которым надо согласовать действия и распределить цели. А если добавить тот примечательный факт, что корабли в Братстве, как правило, внеклассовые, и на самом большом может оказаться всего четыре спарки, а на среднем штурмовичке – ракеты последних моделей, сангусские двигатели, пара энергокубов и марсианские излучатели... Короче, непонятно, чего ждать и кого атаковать первым.

«Мы с тобой давно уже не те, мы не живём делами грешными...»²Игрок, как и я, любит Марс, и музыка у него с Марса. И новая, и старая, ещё досумеречная, вроде этой. Коротко трескает гаусс-автомат, убирая цель за тонкой переборкой. А нефига при abordage по норам прятаться. Думаешь, если ты канонир-дефлекторщик, тебя не тронут?.. Вообще-то из гаусса на борту стрелять – дело неблагодарное, конструкционные и магнитно-динамические поля энергетическое и высокоскоростное оружие не любят. Поэтому при abordage до сих пор народ по старинке дерётся – или с обычным огнестрелом, или вообще с холодным. Но ускорение у нас сейчас нулевое, корабль не маневрирует, если что и засбоит, не смертельно... «Спим в тепле, не верим темноте, а шпаги на стену повешены...» Ну, это у кого как. Я не эстет, у меня не новомодный клинок, у меня старинный плазменный резак в руках, так что выскочившую навстречу парочку вражин ожидает неприятный сюрприз. Первого разваливает пополам, а второго, бегущего следом, охаживает более холодной плазмой. Впрочем, разница между пятью и жалкими двумя тысячами градусов в данном случае не принципиальна. «В нашей шхуне сделали кафе, на тумбу пушки исковеркали...» Вот уж точно, после нас тут хоть кафе, хоть стрип-клуб открывай, ремонту будет дохренища. Переборка успела упасть, закрывая мостик, и это не очень хорошо. Но и не плохо, если честно. «Истрачен порох фейерверками, на катафалк пошёл лафет...» Ну, это у кого как, у меня запасов «пороха» хватит на всех. А с катафалком погодим, не наше время ещё...

«Том, вышибной».

«Злой ты, Командир».

Восемь зарядов по периметру переборки, один в центр, активация, первые поднимают температуру до предела, центральный с гуканьем отправляет переборку внутрь. Том фиксирует цели, гауссы выдают своё коротенькое «гр-р-р-рууу» и... И, собственно, всё. Большая часть здешнего экипажа, видимо, снаружи, штурмует лайнер, и охранения на борту никто не оставил. Ну да, на появление психов вроде нас с Инге и Томом тут явно не рассчитывали.

– Том, управление на себя, проверить системы, дай подсветку «свой», дефлекторы...

Времени на штатные процедуры нет, так что просто срываю ложемент, занимая место на амортизаторе вместо него. Потом приварим, если надо будет.

– Системы функционируют, повреждения незначительны, дефлекторы активны на восемьдесят три и девяносто две сотых процента, фокусировка излучателей произведена.

– Понеслось.

Консоль канонира вывожу прямо в Тома, благо тот уже содрал кожух пульта и напрямую подключился к системе. Это куда проще, чем проходить сложный путь от взлома паролей до заведения нового пользователя. На экране приличных размеров корабль выходит в норму кормой вперёд, в качестве тормозных движков используя маршевый, и сразу отстреливает несо-мых. От этого манёвра его тормозит так, как будто он якорь выбросил. А он ещё и маневровочными табанит, разворачиваясь. Наверняка экипаж размазан по стенкам, хотя если это Игрок, легенда Братства, то им пофиг.

А я стреляю по всем, до кого достану, главное – отвлекать противника и жечь их предохранители. Это раньше у них был численный перевес, а вот теперь... Нашего недобитка Игрок выносит по-джентельменски: проходит расфокусированными излучателями, выжигая в броне

² «Мы с тобой давно уже не те...» Песня Юрия Аделунга.

всё, что может стрелять, и выбрасывает пару абордажников. Охранение лайнера, вернее, те двое, что остались, и пары несомых Игрока валят остатки нападавших, не без моей помощи, конечно. Том указывает очерёдность захода наших на цели, а я просто поливаю подсвеченного противника из всех излучателей. Особого вреда это ему не причиняет, но систему грузит будьте-нате, да и слепит нехило. Так что всё кончается очень быстро.

– Тим? – раздаётся в динамиках, как только стихает музыка.

– Дорогая, а как мы эту лоханку доведём? – спрашиваю вместо стандартного отчёта. Мы же не в армии всё-таки.

– К-какую лоханку?

– Приз, – что-то моя ненаглядная подтупливает. Впрочем... Первый бой, как-никак, адреналин кончается и наступает отходняк.

– Игрок – Лайнеру. Все живы?

– Лайнер – Игроку, в норме. Половина вашего приза транспорта, они с него щиты сняли.

– Игрок – транспорту, деньгами возьмёшь? – понимаю, что от Инге сейчас толку нет, так что отвечаю сам:

– Приз Игроку. Возьмём, нам он не нужен, понять бы, как приз дотащить.

– Пилота дам, если вы на Теллур не против.

– Туда и идём. За пилота спасибо.

– Тогда паркуйтесь, скоро лайнер такси пришлёт. А транспорт на автопилоте, что ли?

– Нет, просто у кэпа это первый бой в жизни.

– Уважаю... Даю парковочные лучи. Транспорт, сам пристыкуешься?

– Да, – наконец подаёт голосок Инге.

– Приз?

– Ага, но могу что-нибудь помять, ты меня полем лучше подтащи.

– То-то ты болтался, как... Но стрелял отменно. От моих несомых спасибо. Помог.

Нас качнуло – сработал силовой захват, и меня медленно потащило к большому кораблю Игрока, на борту которого отчётливо виднелся покерный джокер. Насколько я помню, корабль у него так и назывался. Интересно, а несомые – это тузы в рукаве?

– Приз, может, тебя в трюме довести до Теллура?

– Как вариант.

– Тогда пилота отправляю, а потом вас в трюм захватом затащу, он проконтролирует.

– Принял.

– Жди, сейчас своих расставляю, чтобы не мешали, мало ли что. Отбой.

– Принял, отбой.

Потекли минуты. Я расслабился и наблюдал за суетой в космосе. Инге с несомыми Игрока подбирали людей – тех, кто успел оставить подбитые и покалеченные корабли. Пиратство наказуемо, но лучше попытать судьбу на Теллуре, на каторге, расчищая земли под очередной город, чем остаться один на один с Бездной. Это не оживлённая Солнечная, где меня выловили, тут шансов, что мимо пройдёт в торможении ещё один корабль, нет вообще. Люди тоже были подсвечены кто зелёным, кто красным. Инге подбирала только зелёных, и то не запускала внутрь, пилоты крепились на броне. А вот ребята Игрока брали красных. То и дело слышался металлический голос – «Передать коды управления, отключить консоль ввода». Один, похоже, решил поиграть в игры, и был немедленно расплётён выстрелом спарки, с формулировкой: «Неисполнение приказа при задержании, параграф 87 Декларации "Мирный космос"». Этого параграфа я не знал, как и самой декларации, собственно говоря, поэтому запросил Тома. Тот немедленно отозвался:

– Параграф 87 в части 7 Декларации о Мирном космосе гласит: «Лицо, уличённое в пиратстве и пожелавшее сдаться, должно передать все коды управления всеми системами любого транспортного средства, в котором находится, включая средства индивидуальной

защиты, и блокировать возможность самостоятельного управления оными. В случае невыполнения законных требований либо уклонения от их выполнения, уличённый в пиратстве подлежит немедленному уничтожению».

– Потом скинь на комм, почитаю.

– Приз, «Джокер-три», примите на борт, – на экране видно, как к нам приближается человек в скафандре на транспортном кресле.

– Приз –Третьему, попробую открыть трюм, если не выйдет, заходи по моим следам.

– Принял. Не парься, пойду по следу, телегу принайтую.

Ого, это интересно. Давно я таких оборотов не слыхал. Невольно начинаю улыбаться. Везёт же мне!

Мой новый пилот появился через пару минут. Зашёл, огляделся и закрыл за собой вторую переборку мостика. Вот я тупой! Мог бы и сам сообразить. «Джокер-три» подождал, пока нормализуется давление, и поднял забрало.

– Игорь. Твой временный пилот. А неслабо ты тут повоевал.

– Есть такое. Тим Найденов. Располагайся, брат.

Коренастый белобрысый парень хмыкнул и огорошил меня:

– Мы знакомы, заочно.

– Как так?

– А вот так. Сеня, что тебя нашёл, мой родственник, а лично мне ты экзамен сдавал. Практику. Твой пилот о тебе очень тепло отзывался, кстати. Теперь я понимаю, как вы, считай, две эти лоханки на одних второсортных пукалках уделали.

– Так у меня и сейчас пилот один из лучших. Потому и уделали.

– Вот уж не сомневаюсь. Чтобы кавалер Синеи Устрицы себе плохого пилота нашёл? Такого не бывает!

– Что ещё за синяя устрица? – меня ничем таким не награжда... Ох ты! Да он мне фингал припомнил! Я тогда специально в регенератор не полез, а что? Боевое ранение, как-никак!

– У нас с тех пор так и повелось. Синий значит фингал, а если переливается, из чёрного в красный и синий, то Устрица. Так что, считай, ты родоначальник новой традиции, – Игорь захохотал, и я вместе с ним. Нет, тогда мы отработали на все сто, сделали всё как положено, в лучшем виде, и без жертв обошлись. А фингал я заработал совершенно по-идиотски, поскольку и упал мордой на стол. Это ж постараться надо было...

– Ладно, к делу, – Игорь не стал выламывать ложемент, а штатно сдвинул кресло пилота, подключая скаф к системе: – Ломанный или?..

Ну да, оторванная консоль управления канонирского пульта говорит сама за себя.

– Ломанный. Пока висел, вскрыл. Держи коды, – Том сбросил Игорю данные, а я, не удержавшись, спросил: – Как дома?

– Давно не был. Сам-то как? Домой не хочешь?

– Хочу, но сначала на Теллур, там тоже хорошо. Да и не один я теперь, – снова улыбаюсь, на этот раз вспоминая Инге, которая где-то рядом.

– Так вместе и давайте. Конфликт улажен, Терра подтвердила наше право на вмешательство. Правда, если к ним занесёт, придётся, как и нам, пользоваться гостеприимным сопровождением.

– Переживу. Значит, полная реабилитация?

– Ну, типа того.

– Это хорошо. А то мне вроде как добро дали, но о реабилитации не сказали, – ну да, на «Заре», когда нас награждали, нам троим – мне, Инге и Найке, – открыли визы на Терру. В смысле, дали неограниченное право посещения. Но меня всё терзали сомнения насчёт Устричной войны. Вот так прилетишь на родину человечества, а тебя под белы ручки – и давай предъявы кидать...

– Так, всё. Наши в трюме, твой основной тоже швартуется. Джокер, Дэ-три. На Призе, готовы принять?

– Вторая палуба. Луч активирован.

– Принял, держите в захвате, тут только манёвровые в норме, остальное разбалансировано.

– Принял. Порядок входа: сначала приз, потом основной. Транспорт, такси подать?

– Сама доберусь, – судя по голосу, Инге уже в норме. – Не маленькая.

– Принял. Шлюз подсветил, он метрах в трёх от тебя. Заходишь по зелёному сигналу.

– Принято.

Игорь споро корректировал заход корабля в трюм. Силовой захват – это хорошо, но это на больших кораблях метр вправо, пять влево – не беда. А «Джокер» Игрока хоть и намного больше нашей «Алады», но даже со «Стремительным» не сравнить. Не говоря уже о «Торнадо» или «Заре», у которой в трюме пара-тройка таких уместится. «Джокеров», не «Алад».

«Давление в норме, можно выходить».

Том отключился от консоли, Игорь, подумав, открыл люки, обесточил всё, что можно, и мы двинулись на выход.

– Со мной или подождёшь?

– Подожду.

– Ну, давай, скоро увидимся, – Игорь хлопнул меня по плечу и пошёл в шлюз, а я остался ждать Инге.

В трюме было тесновато, он явно не рассчитан на такое количество кораблей. Мне пришлось посторониться: трое в скафах биозащиты прошли в «приз». Ну да, тела надо убирать. Вот уж задачка у ребят – не позавидуешь. Проштрафились чем-нибудь, небось...

Инге появилась минут через пять. Обниматься в скафандрах не очень-то удобно, но мы всё-таки стукнулись забралами, постояли несколько секунд и пошли следом за Игорем. И сразу ожил интерком:

– Гости дорогие, двигайте по зелёной дорожке. Только помойтесь вначале и переоденьтесь.

– Не поня... А, поняла. Слушай, а зачем нам этот приз?

Шлюз был больше типового и с отличной системой очистки. Нас облили реагентом, обдули сухим воздухом и только после этого выпустили в «раздевалку». Инге покрутила головой, углядела пустой шкаф и начала вылезать из скафандра.

– Игрок нам за половину второго корабля заплатит, мы этот подлатаем и продадим. Может, тому же Игроку, или он посоветует кого. Так прибыльнее. А на вырученные деньги «Аладу» до ума доведём.

– Ух ты-ы-ы... – Инге заулыбалась, аж щурясь от предвкушения, явно представляя, что можно сделать с кораблём на такие деньжищи. Шагнула ко мне, прижалась, обнимая. Глянула снизу вверх, а глаза красные – сосуды полопались, синяки уже проступают, и кровь размазанная под носом засохла. Это на каких перегрузках она маневрировала?.. Протянула мечтательно: – Оружие нормальное поставим... Что, ты говорил, для этого надо?

– Трюмы переоборудовать. А ты так и пойдёшь? Нет, я не против, конечно, но... – ну да, это в Том Тома можно в чём угодно забираться, хоть голышом, хоть в костюме с галстуком, а вот Инге... Нет, я только рад любоваться этой фигуркой в тонком подскафандровом комбезе, но моя ненаглядная, похоже, представила реакцию мужчин и вроде даже покраснела.

– Ой...

– Кэп, есть чем прикрыться? – спросил я в воздух.

– Третий ящик.

– Спасибо.

В третьем ящике нашлись тонкие вышитые шаровары на завязочках, странная помесь кофточек и пелеринки с какими-то украшениями и корабельные... ну, пожалуй что, туфельки. Сразу видно, у Игрока на борту как минимум одна модница.

Мы привели себя в порядок, собрались выходить, но тут зашипела переборка, и в проёме показался здоровенный мужик, ростом под два с половиной метра. Ну, понятно теперь, почему тут такие шлюзы. И ясно, кто это. Игрока я лично не знал, но много о нём слышал.

– Инге, знакомься, это Арк, он же Игрок. Игрок, это Инге, капитан нашего корабля.

– Не ожидал, – пробасил лысый как коленка Игрок, пока Инге ошалело пялилась на него. Ну, ещё бы, для неё и я несколько высоковат, а это, считай, на полметра минимум выше. – Хорошая работа, капитан. И абордаж хороший, Тим. Игорь рассказал. Говорит, еле дошёл, вокруг только кровь и мозги. Говорит, захожу на мостик, а там Том Том стоит и стволами шевелит. Раз переоделись, то пошли.

«Джокер», похоже, полностью под капитана переоборудовали. Высота проходов здесь стандартная для корабля такого класса: три с половиной метра, чтобы спокойно перемещались и люди в боевых скафандрах, и ремонтная техника. Только на «Джокере», в отличие от того же «Стерегающего» не было никаких скоб и лесенок по стенам и потолку: Игрок в боевом скафе просто посшибал бы их головой. И на переборках стояли датчики, которые определяли, кто подходит к отсеку, и открывали или обычную диафрагму, или переборки для прохода тяжёлой техники – для капитана. Инге постоянно от нас отставала, Игрок басил: «Извините, забылся», замедлял шаг, но надолго его не хватало.

Игрок провёл нас сразу на мостик, и первые, кто бросились в глаза – это такие же огромные парень и девушка. Парень, как и Игрок, лысый, у девушки виски выбриты, но при этом длинная коса чуть ли не до попы. Ну, всё верно, ключники они и есть ключники. А вот рядом...

Сначала мозг просто уловил какое-то несоответствие: рабочие комбинезоны с полной «сбруей» – и при этом вуали на лицах. Потом я понял, что диадемки, которые эти самые вуали придерживают – это мнемоблоки. А потом оказалось, что моя рука на кобуре, а лапища Игрока – у меня на плече.

– Ша! Никто ни в кого не стреляет, – сожми он пальцы чуть сильнее, и захрустели бы кости. – Лота и Кай мои пилоты. Фишку рубят и правила знают. Мнемоблок не вживлён с разрешения Адмиралтейства Теллура.

Угу. С разрешения Адмиралтейства. Предположим.

Теперь понятно, чья одежда на Инге. Амазонки это, а амазонки — это серьёзно. Даже не знаю, кто страшнее: больвоги, волки или амазонки. Вернее, знаю. Первые и вторые просто убьют. А амазонки живьём взять попробуют, и будешь ты всю оставшуюся недолгую жизнь работать быком-осеменителем. Они как вампиры. Вернее, они и есть вампиры, только не кровь пьют, а жизненную силу человека, энергию, пси... короче, всё. Красавицы явно прочитали мои мысли и улыбнулись под вуальками. На них хотелось смотреть, любоваться ими, их грацией, лёгкостью, точёными фигурками, а ещё здорово было бы услышать их смех – ясный и чистый. Нет – низкий, с хрипотцой...

– Тим? – Инге подлезла мне под руку, и я обнял её... да что там, вцепился, как в спасательный круг. Я не ключник и не Чёрный Дракон, как Игорь, я нормальный мужик, а на нас эти дамочки производят убийственное впечатление. Даже при том, что у меня с армии мнемоблок имплантирован. Инге прижалась ко мне, глянула на амазонок – и что-то между ними произошло. Не то они какими-то любезностями на своём пси-уровне обменялись, не то ещё что, но мне вроде как полегче стало. И Игрок пальцы разжал и дальше экипаж представлять начал:

– Значит, Лота и Кай – пилоты несомых. Зар – командир абордажной группы. Эка, канонир и второй пилот. Мои брат и сестра. Инге, это Игорь, командир истребительной группы. Дракон на дембеле. Марсианин, соответственно. Так, Тим, скоро ещё Рой придёт. За ствол,

чур, опять не хвататься. А то можно не успеть. Мне, собственно, под Роя корабль и нужен. Кстати. Вы с призом что делать хотите?

– Конкретно не думали, у нас сейчас на два корабля один пилот, – Инге пожала плечами. Молодец, лицо не теряет и старается держаться на равных, хотя даётся ей это явно с трудом.

– Понял. Если что, я его у вас тоже куплю. По цене сделанного. Но не по самой большой, конечно. Работы там немного, так что ничего не потеряю. А вам время сэкономлю. Плюс посоветую верфи Братства. И скидку вам там парни дадут. Скажу кому надо. На круг то на то и выйдет. А там, как пилотами разживётесь, и новый приз с такими талантами возьмёте.

– Я думаю, это хорошая идея. – Инге быстро глянула на меня, я кивнул, и она повторила: – Да, хорошая. А мы сможем на те деньги корабль переоборудовать?

– С лихвой хватит. Игорь, спецификацию не прикинешь?

– Уже. Внеклассовый транспорт. Движки можно выкинуть или вместо тормозных воткнуть, энергокуб на излучатели и поля обособить, а новый на движки дублёром. Я бы вообще жёг старый куб в обычных полётах, а в бою переключал его полностью на канонира, а новенький – на движки. Скорее всего, под замену амортизаторы, надо нормальные поставить, с подключением к регенерационной системе, излучатели взять теллурианские, ну и трюм под торпедный отсек переделать. Плюс по мелочи. Думаю, процентов шестьдесят-семьдесят приза уйдёт. Хотя нет, больше. Ещё абордажку надо, скафы, вооружение на них...

Мы с Инге переглянулись. Учитывая, что у нас ещё половина со второго приза... Это что же там за верфи у Братства и с кем они работают, коли такие деньги только на апгрейд уйдут? Интересно...

Инге Сонел

Я понятия не имею, как у меня хватило смелости... или наглости... или и того, и другого... в эту разборку влезть. Хотя, наверное, тут про глупость говорить надо. Поначалу страшно было – жуть. И, главное, понимаю, что нечего там делать, что никаких шансов нет, но и остановиться нельзя. А когда до меня дошло, что Тим и вправду наружу выходит, я чуть не заорала: «Не надо, вернись, давай не будем вмешиваться!» И решила: если Тим... с Тимом что случится из-за меня, я просто на таран пойду. Вот.

А потом я вдруг бояться перестала. Когда Том выпустил ракеты, я поняла, что под таким углом пирата не достану, а скорости для манёвра у меня хватает. Правда, сосуды в глазах полопались, но это ерунда. Зато я как ножом срезала ему с борта дефлект-генераторы. Не все, конечно, но когда у тебя две трети полусферы в ноль оголены, особо уже не повоюешь. А он, идиот, решил поля переформатировать. И на этом второй борт открыл. Ему, наверное, в голову не пришло, что транспорт вроде «Алады» можно по малой оси так закрутить. Мне тоже, если честно. То есть я сначала сделала, а потом поняла, что и как. Ну, в общем, я ему и второй борт подчистила. А потом из его плоскости ушла, чтобы он в ответ не выстрелил. То есть он выстрелил, конечно, но поля выдержали. И когда появились ребята из Братства, всё стало совсем здорово. Только меня снова начало трясти. И трясло, пока я Тима в эфире не услышала.

Ну и потом я тоже мандражила здорово, потому что плохо понимала, что происходит. Как в тумане каком-то была. Я даже не помню толком, как народ подбирала, как с рейдером этим – «Джокером» – стыковалась. В голове прояснилось более-менее, только когда я Тима увидела. Целого и невредимого. Прижалась к нему, пусть на секундочку – и всё стало хорошо и правильно. Вот только спокойствия моего ненадолго хватило. Нет, я прекрасно знаю, что люди разные бывают, но когда появился этот самый Игрок и я поняла, что носом ему как раз в грудь утыкаюсь, чуть повыше солнечного сплетения... И братец с сестричкой у него такие же огромные. И амазонки эти...

Они вообще странные были. Вернее, ощущались странно. Нет, я быстро поняла, что на них мнемоблоки, но всё равно я их постоянно чувствовала. Амазонок, в смысле. Это как... Нет, сложно описать. Как будто они на меня пялились всё время. Бывает же так, что чужой взгляд чувствуешь? Вот что-то похожее, только они на меня не смотрели на самом деле. И даже сквозь вуальки эти ихние видно, какие они. Красивые, в смысле. Вот только красота у них какая-то... Ненастоящая, что ли? Вот Хелен, Найка, Кира – они *действительно* красивые. Может, конечно, у них и фигуры не такие идеальные, и черты лица не настолько правильные, но всё равно. Они настоящие, а амазонки – нет.

А Тим на них повёлся сходу. Ну, да у меня разговор короткий: мой это мужчина, и точка! Нет, вслух я ничего не сказала, но амазонки-то эти точно пси были, причём какие-то не самые приятные. Ну, я и просигналила открытым текстом на той же частоте: «Моё! Не лезть!» И странно, но они меня вроде как поняли. Я прям почувствовала, как Тима отпускает. Правда, почти сразу он опять напрягся, но уже нормально, по-простому, если так сказать можно. Просто в рубку ещё один парень зашёл.

Да-а... Если я Игроку носом в грудь упираюсь, то этот где-то до пояса своему капитану будет. То есть метра полтора от силы, считая бутсы. И весь – сплошные мышцы, стандартные армейские брюки и футболка на нём прям бугрятся. Я волков никогда не видела, но сразу поняла, кто это. Про них говорят, что они одни из лучших бойцов в Космосе. А Игрок и его брат с сестрой, значит, ключники – жители планеты Замбók. Про неё я тоже слышала: ихняя... их система – идеальный транспортный хаб, вокруг ни звёзд, ни пыли. И вроде поэтому их

постоянно прижать пытаются. То амазонки, то волки, то ещё кто. Так что воевать им много приходится.

В общем, из всех, кто тут был, нормальным только Игорь выглядел. Крепкий, но не перекачанный, как Рой, лицо открытое, улыбка хорошая. А ведь он, как я поняла, этот самый марсианский командос, Дракон. Вот в жизни бы не сказала! Хотя откуда мне знать, как они выглядеть должны...

– Я смотрю, у вас тут полный интернационал? – спросил Тим. Я этого слова не знаю, а вот Игрок всё понял:

– Да. Волк, амазонки, марсианин, и мы с Замкá. В команде ещё ребята с Теллура и старший техник с Терры.

– Только с Сангуса кого не хватает.

– Не-е. Сангус мы уважаем. Но в космосе они против нас как детишки. Вот если на планете, тогда да. Там они...

– Как школьники, – закончила за брата Эка, и все засмеялись.

– Ну не скажите, – покачал головой Игорь. – Пилоты у них неплохие. Да и на планете... Знаю пару ребят, очень хороши.

– Ага. Если их поднатаскать. Правда, на Сангусе уже мы им в подмётки не годимся, чего уж там. Профиль разный. Они больше по своим динозаврам летающим спецы, а мы по разумным.

Все опять засмеялись, как будто Эка что смешное сказала. А она ко мне повернулась и спрашивает:

– А вы, Инге, откуда? Никогда таких кораблей не видела.

Как же мне нехотелось отвечать! Весь с их точки зрения я, наверное, с задворок каких-то вылезла. Потому что вопрос прозвучал как-то... Обидно. Мол, откуда такое старьё выкопала. А, может, мне это только показалось, но я всё равно разозлилась.

– Из *culo del mundo*... жопы мира, короче, – говорю. – Безымянная колония под протекторатом... так это называется?... Дантея.

– Дантея? А... У Дантея и колоний-то нет... Хотя... Ясно, из Диких, значит.

Вам приятно будет, если вас дикими назовут? Вот и мне неприятно было это услышать. Почему-то, когда наш сектор Тёмными мирами называют, это не так обидно звучит. Я надеялась только, что у меня по лицу ничего не видно, хотя Тим постоянно говорит, что на мне всё метровыми буквами написано, даже приглядываться не надо. Но, может, это только для него?

– У вас так говорят? Дикие?

– Да. Это те, кто не входит в Торговый Союз. Старые колонии, – ответил Игрок. Похоже, у моего родного сектора та ещё репутация. Ну и ладно, зато раз уж в дикари записали, можно самые дурацкие вопросы задавать.

– Старые?

– Ну да. Самая старая колония – Теллур, но как она появилась – это отдельная история, – начал рассказывать Игорь. – База у Юпитера пропала, а там оказалась. Вроде к этому как-то мантисы причастны... А после Зари Терра начала посылать первые межзвёздные экспедиции, и почти все они... заблудились. Они уходили с Терры в обычном Пространстве, но потом связь с кораблями терялась. Долго не могли понять, в чём дело, а оказалось, что когда корабли достигали околосветовой скорости, из-за какой-то системной ошибки в растребе захвата открывалась кротовая нора, и корабль туда проваливался. Экспедиции на прямоточниках отправлять перестали, зато разработали гипердвигатели. Ну и дело пошло... Довольно быстро нашли Теллур, Сангус, Замбк, Аль-Рами... Но большей части потерянных экспедиций не повезло: финиш-точки оказались в районе Туманности.

– В общем, я, кажется, поняла. Это колонии, которые долго выживали, как могли, без внешней поддержки и... Правильно?

– Да.

– Или которые так и не нашли, – добавил Рой. Голос у него оказался неожиданно низкий, не как у Игрока, конечно, но близко к тому.

– Не нашли... В смысле? То есть до сих пор существуют колонии, связь с которыми не восстановлена? – а ведь можно и не спрашивать. Планета Ока, похоже, из таких и была. Интересно, там люди в себя пришли, после того, как мы с Найкой эту тварь убили? Ну да, формально-то гранаты в него Найка кинула, но если бы я Око не отвлекла, неизвестно, получилось бы что у ней...

– Скорее всего. Некоторые, да все почти Дикие считают, что Терра их бросила. Ну, или считали. Поэтому её до сих пор тихо ненавидят.

– У нас... У нас вообще думали... думают, что никакой Терры нет. А планетой-прародительницей называют, как я теперь узнала, тамошний остров. В смысле – остров на Терре, Гаити.

И вот тут амазонки переглянулись как-то странно. Словно что-то они такое знают, и это что-то меня касается. И мне опять не по себе стало. Даже спросить хотелось: «Что вы на меня пялитесь?» Но я промолчала.

– Короче, Дикие скорее с Дантеем сотрудничать будут, чем с Союзом.

– Ну, нас никто не спрашивал, с кем мы хотим союзничать, насколько я знаю.

– Дантею и не надо вас спрашивать. Ему вас доить выгодней.

– Союз периодически устраивает вылазки в Дикие сектора, но это требует много сил. Каждая вылазка – это маленькая война. Иногда и не маленькая.

– А зачем?

– Ну как, чувство долга, наверное, – Игорь пожал плечами. – Но Дикие очень независимые.

– А как твоя планета называется? – внезапно спросила светловолосая амазонка, Кай.

– Да нет у неё названия. Только номер. Колония-17. Или Нова-17. По общим каталогам. А что?

– Упс. Я вас знаю.

– В смысле?

– Ну... Иногда мы прилетаем на планету. Пять-шесть сестёр. Специалисты по промывке мозгов. Лет семьдесят назад мы увезли от вас под сотню человек на это самое Гаити.

– Что?! – я не поняла, но мне это очень не понравилось. Да и народ в рубке насторожился.

– Что – «что»? Ты думаешь, нас просто так везде отстреливают? Тебе очень надо знать, что с ними стало?

И тут до меня дошло.

Вот скажите на милость, как на такое реагировать? Злиться? Возмущаться? Наверное, надо, вот только зачем? Это давным-давно было, и сейчас уже ничего не изменить. Но и махнуть рукой – мол, ерунда, забыли, я тоже не могу. А в рубке тишина, и все на меня смотрят, Тим за руку взял, и надо что-то сказать, а в голову ничего не приходит. Ну не кидаться же на них с кулаками?

– Я хочу знать, зачем вы это делаете.

– А зачем ты дышишь?

– Это не ответ. Зачем вы забрали людей на Гаити?

– Мы их к себе забрали. Мы обманули ваших людей, вбив им в голову, что знаем, где планета Гаити. Но привезли их к себе.

– Понятно, – ну а что я ещё могла сказать? Действительно, всё понятно. И говорить больше не о чем.

– Ты сейчас ей ещё что-нибудь расскажешь, и она нас прямо тут убивать начнёт, – сказала Лота, причём я не поняла, то ли она шутит, то ли всерьёз.

– Не начну, – отвечаю. – Убивать – это не ко мне.

– Пусть знает, – отрезала Кай. – По крайней мере, это честно.

– Да, – говорю, – честно.

– И на том спасибо. Тебе станет легче, если узнаешь, что они умерли счастливыми?

– Да я как бы уже догадалась.

И опять стало тихо, как будто никто не знал, что и как сказать. И вроде именно я должна что-то сделать, решить или ещё что. Но мне ничего в голову не приходило, и я себя из-за этого виноватой чувствовала, чем дальше, тем больше. Уж не знаю, что бы я сделала в итоге, но тут Зар говорит, с улыбкой такой:

– Вот с таким контингентом мы и работаем. Инге, ты на девчонок не дуйся. Они у себя на планете под приговором ходят. Как и Рой.

Как будто это что-то для меня изменить должно! Да и вообще, смешно, на самом деле! Что значит – «не дуйся»? За такое или действительно надо убивать, или не делать ничего. И понятно, что убивать я их не буду. И тут Эка опять спросила:

– А что у тебя за татухи? Потрясные, я никогда такого не видела. Это тоже с вашей планеты?

Ну да, комбез-то я сняла, так что рукава видны были. Да и рассказывать про ве́ве³ и узоры, которые у меня на руках набиты, куда проще, чем с амазонками непонятно о чём разговаривать. Я, правда, в детали вдаваться не стала, так, объяснила, что это, мол, знаки моей веры. А розы, ящерицы и ключи – символы моих духов-покровителей. Причём – вот это приятно было – народ серьёзно меня выслушал, а Эка даже спросила, могу ли я потом поподробнее рассказать. А я уж думала, опять в дикие-тёмные запишут.

А потом Игрок говорит:

– Ну что? На Теллур в компании летим? Тогда я техникам скажу, чтобы твой кораблик закрепили.

– Если Тим не против... То почему бы и нет?

Тим только плечами пожал:

– В компании так в компании.

– Кай, покажешь гостям каюту? – Игрок к амазонке повернулся, и я вдруг поняла, что у них отношения. Близкие. У Игрока с Кай, а у Лоты – с Заром. Странно. Я почему-то думала, что амазонки вообще никаких симпатий ни к кому испытывать не могут. А тут – я прям почувствовала – всё взаимно. Не то чтобы какая-то сильная страсть ощущалась, но тепло между ними было. Но это значит что? На ключников и волков этот ихний... вампиризм не действует, что ли? Или действует, но слабее? Или амазонки эти способности контролировать умеют? Интересно... Хотя какое мне дело, по большому-то счёту?

– Расположитесь и милости просим обратно. Или сразу в кают-компанию. На разгон мы не раньше, чем часа через четыре пойдём, нам несомых в порядок привести, трофеи и вас закрепить. Так что время отдохнуть есть.

Да, «Джокер», конечно, не «Стремительный», но тяжёлый рейдер – кораблик немаленький. Мы на уровень ниже спустились, на жилую палубу, Кай нам каюту показала. Тим внутрь прошёл сразу – вообще видно было, что ему в компании амазонок неуютно, хотя он нет-нет, а поглядывал на них, характерно так, оценивающе. А Кай меня за руку тронула:

– Моя каюта номер три. Если хочешь поговорить, заходи, когда твой парень пар скинет.

Я только собралась спросить, с чего она решила, что я вообще с ней поговорить хочу, а Кай уже в коридор шагнула и люк за ней закрылся. Тим только этого и ждал: меня сграбастал и на койку уронил.

– Что там Игрок сказал? Четыре часа до разгона?

³ Ве́ве – религиозный символ вуду, графичные картинки, восходящие к идеографической письменности.

- А мы уложимся?
- Постараемся...

– Кто эти ребята – наёмники? Или кто? – это я потом уже спросила. Когда мы отдышались и помолчали, и я даже встала и пакеты с апельсиновым соком достала. Каюта реально была гостевая, с типовым оснащением, так что пайки оказались на месте, искать не пришлось.

– Ага, – кивнул Тим. – Благородные доны. Из Братства. Наёмники. Но благородные наёмники.

– Крутые ребята.

– Да, крутые. Но и мы не пальцем деланные. Вдвоём штурмовик взяли.

– Его *ты*взял.

– Не-е... Мы. Ты капитан, я канонир и абордажник.

– Мы?.. Ладно, мы. Так круче звучит, – и тут я наконец-то поняла, что мне во всей этой истории не нравится.

– Слушай, а это вообще нормально?

– Что именно?

– Ну вот... Они же нас не знают, а взяли на борт и всё такое...

Тим помолчал, потом по голове меня потрепал, притянул и в макушку чмокнул.

– Понятно. Но тут всё просто: Игорь с Марса, он меня знает. Это раз. Мы дрались вместе, это два. То есть они нам поэтому поверили. А мы им... Вот ты им почему поверила?

– Не знаю... Потому что ты им поверил, во!

– Во-от. А я им поверил, потому что знаю про Игрока. А ещё – раз у него в команде Дракон, то верить этому человеку можно. Понимаешь... Я, как ни крути, тоже резервист Марса. Если Игрок взял в команду марсианина, он по сути подписался под тем, что окажет помощь любому резервисту, если это потребуется. И уж точно только псих станет в такой ситуации кидать резервиста Марса.

– А Игрок... Он тоже к Марсу какое-то отношение имеет?

– Ну как сказать... Насколько я знаю, он у нас на Марсе учился на коммерческой основе. А я кандидат на получение гражданства Марса. Это пожизненно, как и гражданство, если официально не лишили. Ну, или пока гражданство полноценно не получил. Кроме того, Игрок – один из организаторов Братства, и репутация у него... Короче, не переживай. Нормальные тут ребята.

Я чуть не возмутилась поначалу: почему он мне раньше про это не говорил – ну, про то, что он почти гражданин Марса?! Это же важно! А потом подумала: а какая разница? Это же его к Марсу не привязывает на всю жизнь, кандидат – это не полноценный гражданин, вот когда на Марс полетим, тогда всё и узнаю. И совсем другое спросила:

– Игрок Братство организовал? Я думала, они давно существуют. Наёмники, в смысле.

– Раньше они каждый сам за себя были, неорганизованные. А теперь это как... профсоюз.

– Профсоюз? У нас на планете был типа профсоюз. Отстой!

– Ну, профсоюз профсоюзу рознь. Братство реально своим помогает. Даёт работу, заказы ищет, пособие семьям погибших, опять-таки, медпомощь организует, скидки в ремзонах... Конечно, народ взносы туда платит, но тут тоже всё решают по взаимным интересам. Если нужен серьёзный ремонт, могут взносы приостановить, например. Кстати, нам денег ещё и от лайнера перепадёт.

– С чего это?

– А, это ещё со старых времён пошло: если кто пришёл на помощь, то экипаж и пассажиры-терпины скидываются, кто сколько может. Отказываться от этих денег не принято. Сейчас Ллойд – общество страховое так называется – под это дело даже специальные счета выделяет: это по любому проще, чем платить страховки пострадавшим. Короче, погоди, нас

Игрок ещё к себе заманивать начнёт. Ему выгодно, чтобы как можно больше народу в Братстве было... Ладно, ты там поговорить хотела. Иди, а я посплю, что ли.

– Всё-то ты про меня знаешь...

– Заметил, как шептались.

– Потом расскажу. Если будет что рассказывать...

– Хорошо.

Я Тима в щёку чмокнула, в порядок себя привела, оделась и пошла. Хотя совершенно не понимала, зачем я туда, к Кай, иду и о чём вообще буду с ней разговаривать. Всё, что можно, мы друг другу уже сказали, и обсуждать тут больше нечего. Я что, буду её расспрашивать, как они наших мужчин увозили? Вот уж чего я и знать не хочу! Но что-то как толкало: надо. Надо с ней поговорить.

Кай сидела за столиком, а перед ней стоял контейнер из матового пластика. Одна стенка у него открыта была, амазонка там, внутри, руку держала и вроде как разговаривала с чем-то... нет, кем-то. Ну, в смысле, я почувствовала, что там живой кто-то. Внутри.

Увидев меня, Кай закрыла контейнер, отставила, улыбнулась, довольная такая, и выдала:

– Заходи... внучка. Вернее, внучатая племянница.

– Что?!

Яна Ланге-Орлова

Яна провела расчёской по волосам и придирчиво изучила результат, вместо зеркала глядя в тёмный экран внешнего обзора. Сейчас он был выключен – снаружи ревела и клубилась буря. Вторая за последние десять дней. Что-то они зачастили...

– Яночка, ты прекрасно выглядишь, не страдай.

Адлер заметил что-то в окружающем мире, бывает же такое! Яна, недовольно сморщив нос, оттянула плохо лежащую прядь. Может, он и прав, и Валерке вроде понравилось, но... Яна гордилась своей нетипичной для марсиан внешностью: невысокая, пухленькая, темноволосяя и светлокожая – её даже местный загар брал плохо! Это смотрелось красиво и экзотично: вопреки всем моделям развития человеческого генома у жителей Марса преобладали светлые волосы и глаза. Но эта новая стрижка... С ней точно нужно что-то делать.

– Мне не нравится, – Яна оторвалась от экрана и повернулась к Адлеру. – Хоть налысо брейся!

– Не надо, – Адлер очень серьёзно покачал головой. – Судя по тому, что Павел уже двадцать восемь минут сидит у Крыса, задача нас ждёт нетривиальная. И твоя внешность может потребоваться для дела.

– Вот зануда!

Яна упала в кресло, пошуршала фантиками в коробке на столе. Адлер, не поднимая глаз от планшета – он читал новости, параллельно делая какие-то пометки, – сообщил:

– Ты всё съела. А я, между прочим, попробовал только одну. И я вообще не понимаю, товарищи, как вы с Пашей можете столько жрать. Ты хотя бы только сладкое ешь без остановки, а он, по-моему, готов проглотить даже сырого ёжика. Вы у медиков давно были? С вами точно всё в порядке?

Вот стопроцентный зануда. Образцово-показательный. И как они с Пашкой его до сих пор не поубивали?

– У нас метаболизм активный. И я ем не сладости вообще, а только шоколад. А он полезный.

– Не в таких количествах, Яночка.

Яна пожалала плечами, посидела спокойно несколько минут и снова вскочила:

– Ну что он так долго?

– Я же сказал: нас ждёт какая-то нетривиальная задача. Это единственное объяснение, – Адлер явно собирался продолжать нудёж, но замолчал. Яна тоже почувствовала, что командир уже за дверью – и с плохими новостями.

Паша был прямо-таки образцовым марсианином: высокий, широкоплечий, с красноватым оттенком загара и стриженными ёжиком светло-русыми волосами. Именно такими любят изображать марсианский спецназ в кино. Только сейчас идеальный киногерой выглядел одновременно злым и каким-то поникшим. Яна, уже готовая сбросить тревогу очередной подначкой, прикусила язык. Похоже, командир принёс не просто плохие, а *очень* плохие новости.

– Карл и его группа погибли, – с порога сообщил Паша.

Яна не сразу поняла, о чём он.

– Насколько я знаю, – голос Адлера был абсолютно спокоен, – они уже завершали поиск и возвращались. Авария?

– Погоди, Лер! Что значит – погибли? Как?!

Яна не была особо близка с Карлом и Михой, а Грету, пилота группы, откровенно недолюбливала – имелись причины личного свойства... Но они были Драконами, братьями и сестрой, и их гибель – потеря для всех. И стала ясна причина хандры и плохого настроения послед-

них дней. Драконы чувствуют друг друга. Это не телепатия, скорее эмпатия, и зависит от расстояния. Если бы ребята погибли ближе к дому, Яна безошибочно поняла бы даже, что именно случилось: у неё чувствительность повышенная.

– Каком кверху! – Паша прошёл к столу, со злостью хлопнул по нему пачкой распечаток. – Ребята возвращались с Теллура. Шли домой. Причём вызвали Рой для встречи – похоже, нашли что-то важное. Но или сами поторопились, или наши опоздали... В общем, когда эскорт прибыл в зону randevu после первого прыжка, в живых там осталось только шакальё из вольных наёмников с Дантея. И обломки корабля ребят и их «драконов».

– Взять кого-то удалось?

– Нет. Там была бойня. Наши озверели, те сопротивлялись отчаянно. Когда сообразили, что нужны «языки», было слишком поздно.

Адлер кивнул, а Яна отстранённо подумала, какую головомойку Крыс устроил командиру Роя. Впрочем, мог и не устроить. Директор КБМ сам был Чёрным.

– Так что мы не идём в поиск. Мы летим на Теллур и выясняем, что случилось.

– Понятно, – буркнула Яна. Адлер невозмутимо поинтересовался:

– Что у нас есть?

– Почти ничего. Кроме того, что они, похоже, напали на след. И есть у меня подозрение, что именно из-за этого погибли.

– Но... Почему? – Яна озадаченно нахмурилась. Даже невозмутимый Адлер казался удивлённым. – Какая связь?

– Вот на этот вопрос нам и надо ответить. Кто убил ребят и почему? Действительно ли они нашли след Гомаро или случайно обнаружили что-то другое? Такое, ради чего наёмники рискнули перехватить их в подконтрольном ТС секторе?

Яна прикусила губу. «Память» была создана для того, чтобы хранить Память – о предках, о Сумерках, о Первых – тех, что осваивал Марс и первым дал бой мантисам. Официально, как отдела Комитета Безопасности, «Памяти» не существовало, но они были и работали. Столетиями искали и систематизировали информацию. О Первых, о мантисах, о военных угрозах Солнечной... Но до сих пор на левом Крыле Памяти в Олимпе записано семьсот шестьдесят пять имён. А должно быть – семьсот семнадцать. Судьба Марка Гомаро, Последнего Первого, одного из двоих, начавших Зарю, неизвестна. А тогда, после победы, Марс поклялся, что найдёт и вернёт домой всех. Или точно узнает, что возвращать некого. Что не осталось ничего. Ни горсти праха, ни обгорелого фрагмента скафандра. Но даже тогда остаётся Память...

Любой чужак, узнав, что почти полтысячи лет марсиане по крохам собирали данные по всем погибшим и до сих пор не прекратили поиски, крутил пальцем у виска. Яна слышала, что вроде даже на Марсе иногда раздаются голоса, что «Памяти» пора остановиться. К счастью, редкие. Если бы кто сказал такое при Яне, она без разговоров морду набила такому умнику. Мы живы, пока помним. К тому же поисковики «Памяти» зачастую находили очень интересные и полезные вещи. Марс считался лидером по изучению артефактов Странников – или Древних, или Предтеч, их по-разному называли. Высокоразвитой цивилизации, исчезнувшей тысячи, если не миллион лет назад. Чаще всего такие находки привозили домой именно ребята из «Памяти».

Яна нахмурилась. Она была Ланге-Орловой, а в этом роду у всех развита интуиция. Её знаменитая пра-пра-... много раз «пра» бабушка была не только пилотом, приведшим первую экспедицию на Марс. Она была первым официально зарегистрированным псиоником. И то, что сейчас, размышляя о Гомаро, Яна перескочила на мысли о Странниках, не было случайностью. Она уже открыла рот, чтобы озвучить догадку, но передумала. Адлер немедленно начнёт комментировать на тему ненаучности такого «мистического» подхода, а момент, чтобы ругаться, неподходящий. Вместо этого Яна встала, и вместе с ней поднялись ребята.

– Карл Шлоссер, Грета Тимофеева, Михаил Волошин.

– Они живы, пока мы помним.

– Мы живы, пока помнят о нас.

Они постояли молча. Паша решительно сел, хлопнув ладонями по коленям.

– Всё. К делу.

– Что у нас есть? – повторил свой неизменный вопрос Адлер. – Ты сказал, что почти ничего, но этого не может быть. Если известно, что они напали на след...

– Да, кое-что есть. Для начала, перед отлётом с Теллура они что-то купили. Карл экстренно запросил из резервного фонда почти полтора миллиона. Мотивация запроса – «выполнение миссии поиска».

– Ого! Это что же такое может быть? Очередной артефакт Странников? Корабль?

– Яночка, не перебивай. Вечно ты торопишься. Паш, давай дальше.

– Отвечая на твой вопрос, Ян. Судя по всему, речь идёт именно о корабле. Во-первых, они арендовали бокс VIP-хранения в коммерческом секторе Виль-де-Ноэль-Астра. Во-вторых – у нас есть данные о том, над чем работал Карл во время прыжка.

Яна прикусила язык, чтобы не выпалить: «Над чем?» Паша, когда формулировал вводные, становился таким же неторопливым, как Адлер. Правда, к сожалению, не таким обстоятельным. Всё равно потом придётся переспрашивать и уточнять. Так что пусть пока говорит.

– Он извлекал данные из кибермозга штурмовика амазонок.

Паша сделал эффектную паузу, и Яна не смогла ею не воспользоваться:

– В смысле? Ты хочешь сказать, что они купили корабль у какой-то амазонки?

Адлер укоризненно посмотрел на неё. Паша покачал головой:

– Этого мы не знаем. У нас нет самого кибермозга, у нас нет отчёта ребят. Есть только записи речевого регистратора из кабины. Вот, слушайте, – Паша вытянул из-под стола панель, пошарился по карманам, достал кристалл с записью и вставил в разъём. – Это фрагмент разговора, имеющий непосредственное отношение к делу. Остальное неинтересно.

Зазвучавшие в кубрике голоса заставили Яну вздрогнуть. Только сейчас она до конца осознала, что слышит тех, кого уже нет. Весёлые, азартные голоса – они нашли что-то интересное и спешили домой поделиться находкой... А ведь Крысу и остальным пришлось слушать всё до конца. Разбирать по секундам действия каждого. Переговоры в бою ведутся по нейросети, и что могла услышать следственная группа? Предсмертные крики ребят? Или – пугающую тишину?... Яна заставила себя сосредоточиться на записи.

– Там что-то есть?

– Да. И чудная, я тебе скажу, картина получается. У них же в случае гибели пилота автоматом врубается система уничтожения навигационных сеток.

– Знаю. Погоди... Ты хочешь сказать, что у нас есть данные по их планете?!

– Нет. Система сработала, ядро базы данных она выжгла в ноль, как положено, а вот периферия...

– Не томи!

– Ну, слушай. Экипаж два человека. Но если по капитану всё понятно, то вот второй пилот... Ну, во-первых, это мужчина.

– Уже странно. Мужики у них на правах домашних животных вроде. А во-вторых?

– А во-вторых, никаких данных по нему нет. И это не самоуничтожение. Всё вычищено ручками, так, чтобы не восстановить. Страшно представить, сколько времени на это ушло... Я и пол-то его установил по косвенным данным. И информация по нескольким прыжкам зашифрована. Зачем она это сделала, не знаю. Такое ощущение, что она что-то от своих прятала.

– С чего ты так решил?

– А от кого ещё? И смотри, как интересно. Судя по размерам лакун, было минимум пять-шесть прыжков. Может, даже больше. Скорее всего. А между ними – один перелёт с полной информацией.

– Не понял.

– Смотри. Они куда-то летали. Данных нет. Потом – прыжок с сохранившимися координатами. И, похоже, это был совместный полёт нескольких кораблей, судя по логам синхронизации с другими киберами. И тут она была одна. В смысле – без второго пилота. Причём моталась туда-сюда. А потом – опять всё потёрто.

– Давай гляну, куда её носило, заняться пока всё равно нечем... Есть. Нова-17К. Оранжевая звезда, масса 0.8, так что ещё немного, и станет красным гигантом, но нам столько не прожить. Планетная система из двух планет, находится в зоне проекта «Терра». Одна из планет условно пригодна для жизни. Похоже, это цель.

– Всё, – Паша остановил запись.

– Сделай копию, – попросил Лер. – Я потом ещё раз послушаю.

– Пока ничего не понятно, – Яна встряхнулась, пожала плечами. – Кроме того, что они действительно что-то нашли. И я так понимаю, мы сейчас на Теллур?..

Глава

Инге Сонел

Я как услышала это «внучка», так у меня аж в ушах зазвенело и пол из-под ног ушёл, словно без предупреждения ускорение сбросили. Как я за переборку не схватилась, чтобы не упасть, ума не приложу. А Кай улыбается, на кресло показывает. Заходи, мол, не стесняйся. Я как во сне ногами перебирала, села, на неё смотрю и не понимаю: она тут без

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.